

Атаманъ А. К. Денисовъ

Атаманъ Войска Донскаго

А. К. ДЕНИСОВЪ.

1763—1841.

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

.1763 — 1841.

XXI.¹⁾

Знамя и похвальная грамота войску Донскому. — Предложеніе Платова Денисову. — Просьба Яловайскаго. — Походъ казаковъ на турецкую границу. — Рымникъ. — Дѣйствія русскихъ войскъ за Дунаемъ. — Платовъ. — Ваграціонъ. — Милорадовичъ. — Ланжеронъ и Сергѣй Каменскій. — Отъездъ Денисова изъ арміи въ Петербургъ. — Барклай-де-Толли.

1808—1811.

Въ продолженіе всей первой, войны Россіи съ французами, въ Пруссіи, донскіе казаки принимали весьма дѣятельное участіе и оказывали блистательные подвиги, за что императоръ Александръ I, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ донскому войску знамя при похвальной грамотѣ, въ которой подтверждены всѣ дарованныя этому войску права и преимущества и выражены слѣдующія замѣчательныя слова: «врожденная бдительность донскихъ воиновъ ограждала спокойствіе нашей арміи, а главнокомандующему служила вмѣсто недремлющаго ока». ²⁾

Въ то самое время, когда російскія войска боролись съ французами въ Пруссіи, *Наполеонъ успѣлъ возстановить турецкаго султана противъ Россіи, и войска наши, готовясь къ войнѣ съ Турціею, заняли всѣ лежащія на лѣвомъ берегу Дуная турецкія области. Войсковою атаманъ, Платовъ, получилъ также повелѣ-

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., томъ X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410; 601—641; изд. 1875 г., томъ XII, стр. 27—49; 257—271.

²⁾ «Истор. Донскаго войска», В. Броневскаго, часть II, стр. 178.

ніе—слѣдовать, съ своими 15-ю донскими полками, изъ Пруссіи въ молдавскую армію нашу. Денисову онъ предложилъ на выборъ: или идти съ нимъ, или остаться на прусской границѣ. Денисовъ рѣшился на послѣднее изъ не желанія сталкиваться съ Платовымъ, отношенія съ которымъ принимали болѣе и болѣе непріязненный видъ; но въ минуту этого предложенія, и когда Денисовъ задумался что дѣлать—идти-ли въ Молдавію или оставаться въ Пруссіи, въ комнату Платова вошли донской генерал-майоръ Николай Васильевичъ Иловайскій и съ нимъ полковые командиры тѣхъ донскихъ полковъ, которые назначались въ Молдавію. Иловайскій спросилъ Денисова:

— Точно-ли правда, дядя, что вы хотите остаться на границѣ?

(Иловайскій не былъ родственникомъ Денисову и называлъ его такъ по привычкѣ). Адріанъ Карповичъ подтвердилъ, что хочетъ остаться на границѣ Пруссіи.

— Сдѣлай милость, дядя, уважь просьбу всѣхъ, идущихъ въ Молдавію. А я въ особенности прошу: не оставь насъ и иди съ нами. Мы всѣ васъ любимъ и почитаемъ.

Адріанъ Карповичъ былъ тронутъ, а Платовъ, какъ замѣтилъ Денисовъ, остался этою сценою недоволенъ. «Но меня сіе не остановило и я, съ должнымъ почтеніемъ, просилъ атамана, что, буде можно, чтобы отмѣнилъ мое согласіе и причислилъ къ полкамъ, слѣдующимъ въ Молдавію».

— Какъ же вы такъ скоро переменяете ваши мысли?—сказалъ Платовъ.

Денисовъ сослался на то, что происходило въ глазахъ атамана.

— Хорошо,—продолжалъ Платовъ,— вы пойдете въ Молдавію.

Иловайскій обнялъ Денисова и благодарилъ; тоже сдѣлали и прочіе командиры. Денисовъ получилъ одинъ полкъ, названный его именемъ. Казаки шли скоро. Адріанъ Карповичъ чувствовалъ себя больнымъ; въ Винницѣ онъ совѣтовался съ докторомъ и запаса леварствами. По приходѣ къ Днѣстру, казачьи полки расположились лагеремъ, а на зиму заняли кантонир-квартиры. Полкъ Денисова стоялъ въ Тульчинѣ, гдѣ онъ познакомился съ домомъ графовъ Потоцкихъ. Лѣтомъ 1808 г. Денисовъ перешелъ въ мѣстечко Атаки и сталъ лагеремъ. Такъ какъ военныхъ дѣйствій не происходило, то Адріанъ Карповичъ, съ позволенія главнокомандующаго, генерал-фельдмаршала кн. Прозоровскаго,

сѣздалъ на два мѣсяца на Донѣ. Найдя родителей своихъ крайне слабыми, онъ хотѣлъ уже подать въ отставку, но отецъ повелительно сказалъ, чтобъ я этого не дѣлалъ предъ начинающею кампанією, чтобы я окончилъ свои подвиги съ такою же ревностію, какъ оныя началъ и продолжалъ, и что я, находясь при нихъ, не могу продолжить ихъ жизни». По возвращеніи изъ отпуска въ армію, Денисовъ нашелъ свою бригаду уже въ Молдавіи, въ мѣстечкѣ Текучь, откуда осенью казаки перешли въ селеніе Мартинешти, а потомъ къ мѣстечку Рымнику и далѣе къ р. Дунаю, недалеко отъ Браилова. Денисовъ описываетъ рѣку Рымникъ: «Я ее видѣлъ, что она течетъ не болѣе какъ небольшой ручей, чрезъ которой можно челобѣку перепрыгнуть. И мнѣ-жъ случилось видѣть, что меньше чѣмъ въ сутки, рѣка сія выступила изъ береговъ, наполнила всю окрестную дистанцію и низменные мѣста съ такимъ стремленіемъ, что волюи, лисицы и зайцы многіе потонули, которыхъ, по сбытіи воды, я самъ видѣлъ».

По истеченіи лѣта, Денисовъ, съ 7-ю или 9-ю полками, пошелъ за Днѣстръ въ Ярышевъ, оттуда къ Пяти-горамъ, а потомъ въ Умань. Весною 1809 г. полки Денисова опять перешли Днѣстръ и Прутъ, стояли въ Бузео и въ селеніи Привалы, недалеко отъ Галаца. 28-го мая армія наша перешла Дунай. Денисовъ и два другихъ донскихъ генерала (Нив. Вас. Иловайскій и Дм. Еф. Кутейниковъ) посланы были впередъ собирать свѣдѣнія о неприятелѣ. Денисовскіе казаки схватили курьера, посланнаго отъ визира въ Браиловъ. Для удобства и большаго успѣха въ дѣйствіяхъ генералы Иловайскій и Кутейниковъ сами подчинили себя Денисову, какъ старшему. Казаки захватили у турокъ большое количество скота и снабдили имъ всю армію. Потомъ Денисовъ, вмѣстѣ съ Платовымъ, занялъ Бабадахъ и оттуда они пошли на Гирсово и далѣе на Сатискую и другія татарскія селенія. Жители ихъ разбѣжались, а неприятель показался не ближе уже Черноводъ, въ числѣ 4 тысячъ. Въ Кюстенджи стоялъ паша съ войскомъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ, а близъ Дуная, при селеніи Россевата, находился сераскиръ съ 7—10-ю тысячами. Стычки были незначительны. Армія наша двигалась на Сатискую и Кюстенджи. Денисовъ посланъ былъ впередъ съ казаками и двумя драгунскими полками, которыми командовалъ генерал-маіоръ

гр. Паленъ. Съ этими небольшими силами Денисовъ долженъ былъ стать у Кюстенджи и не выпускать неприятеля. Подъ проливнымъ дождемъ и сопровождаемая громомъ и молніею шли войска къ мѣсту назначенія. «Темно было такъ, что нѣго не могъ видѣть шерсти своей лошади»; въ темнотѣ колонны сталкивались. Это побудило Денисова соединить войска въ одну колонну. Несмотря на темноту и отсутствіе проводниковъ, полковникъ Ефремовъ, шедшій впереди, привелъ Денисова прямо къ Кюстенджи. Здѣсь онъ оставался нѣсколько дней, а драгуны и часть казачьихъ полковъ вытребованы были въ армію, которою за смертію фельдмаршала, кн. Прозоровскаго, командовалъ кн. Багратіонъ.

«Какъ мое нахожденіе было близко отъ главной арміи, которая обложила уже крѣпость Кюстенджи, то я самъ поѣхалъ къ войсковому атаману, Платову, для полученія приказаній и узнанія о будущихъ дѣйствіяхъ нашихъ. Платова нашелъ я близъ самой крѣпости, у кладбища, на землѣ спящаго, почему, не обезпокоивая его, поѣхалъ къ новому главнокомандующему, кн. Багратіону, котораго также нашелъ недалеко находящагося, на курганѣ, при окончаніи его завтрака. Онъ весьма милостиво меня принялъ и даже обласкалъ снисходительнымъ и уважительнымъ своимъ разговоромъ и привазалъ подерѣпить меня остатками завтрака и виномъ. Побывъ тутъ нѣсколько, я возвратился къ атаману Платову, которому обо всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и донесъ. Въ тотъ же день, при захожденіи солнца, получилъ я повелѣніе: съ 4-мя донскими полками поспѣшно слѣдовать къ Дунаю, къ Черноводамъ, въ подерѣпленіе генералу Милорадовичу. которой тамъ, съ особымъ корпусомъ, стоялъ и наблюдалъ движеніе сераскира. Мнѣ дано было такое отъ Платова словесное приказаніе, чтобы, подойдя къ войскамъ Милорадовича и не доходя до нихъ, остановился особымъ лагеремъ и исполнялъ бы приказанія Милорадовича, но всегда бы отдѣльно стоялъ отъ его корпуса. На что я принужденъ былъ откровенно ему, атаману, доложить, что я таковаго повелѣнія, тѣмъ болѣе словеснаго, не могу выполнить, почему онъ ту жъ минуту привазалъ точно въ такомъ смыслѣ написать мнѣ ордеръ, который, подписавъ, и вручилъ мнѣ, а потомъ, сдѣлавъ мнѣ нужныя приказанія и наставленія, отпустилъ».

«Я немедленно выступилъ съ тѣми полками въ походъ. Скоро по наступленіи ночи, нашла на насъ, подобная же прошедшей, туча; дождь лилъ съ громомъ и молніею нѣсколько часовъ, но какъ намъ мѣста были уже знакомы и мы шли прямою дорогою, то и не были въ большомъ затрудненіи. Однако всѣ доведены были до изнеможенія. На утренней зарѣ достигли мы вершинъ Черноводъ и какъ уже зачало быть нѣсколько свѣтло, приказалъ я близъ воды остановиться полкамъ для отдохновенія. Почему наряженные для передовыхъ пикетовъ при офицерахъ казаки и отправлены были впередъ, которые весьма скоро, и такъ что мы еще не успѣли какъ должно стать, донесли мнѣ съ разныхъ пунктовъ, что большія толпы турокъ идутъ прямо на меня. Зная по прежнимъ донесеніямъ и показаніямъ пѣвнннхъ, что въ силѣ мѣстахъ находился одинъ паша, имѣющій отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ войска, а четыре казачьи полка, бывшіе у меня, не составляли и 1,500 человекъ, да и тѣхъ лошади были доведены до большой усталости я былъ въ большомъ затрудненіи, — почти, такъ сказать, не зналъ что и начать, но рѣшился не бѣжать, а биться. Я поставилъ три полка подъ небольшою, крутою горою, закрыто, съ тѣмъ, чтобы нечаяннымъ ударомъ воспользоваться, а четвертому полку, Сысова,¹⁾ идти на непріятеля смѣло.

«Сысовъ, по всегдашней его отиѣнной и похвальной храбрости, съ бодрымъ духомъ пустился на непріятеля и, сблизясь въ оному, всѣмъ своимъ полкомъ сдѣлалъ ударъ, а въ полу его едва-ли было болѣе 300 чел. Всѣ Сысова казаки съ большою отважностью пустились на турокъ, но, не доскакавъ и не вступая въ бой, остановились при видѣ такого сильнаго непріятеля. Самъ непріятель, какъ полагать надобно, удивившись необычайной бодрости такъ малаго числа казаковъ и боясь нѣтъ-ли сильныхъ засадъ, не атаковалъ ихъ. Сысовъ, пробывъ около получаса передъ непріятелемъ на мѣстѣ, возвратился назадъ таковымъ же порядкомъ, не показавъ и виду боязни, чѣмъ я оставался весьма доволенъ и также пошелъ немедленно къ назначенному мнѣ мѣсту».

«На другой день, предъ полуднемъ, достигъ я корпуса генерала Милорадовича и, остановя при водѣ полки свои, самъ

¹⁾ Впослѣдствіи павѣстный храбростію и заслугами, донскаго войска генерал-лейтенантъ.

явился къ сему генералу, подаль ему о числѣ своего войска рапортъ, донесъ обо всемъ нужномъ, равно и о томъ повелѣніи отъ атамана Платова — чтобы не соединяться съ его корпусомъ, а быть нѣсколько отдѣльно отъ онаго. На послѣднее Милорадовичъ мнѣ сказалъ:

— «Хорошо; будьте же вы съ полками тамъ, гдѣ остановились.

«На лицѣ его ясно было видно большое неудовольствіе, и хотя я, въ оправданіе моеѣ невинности, доложилъ ему, что я далеко нахожусь отъ атамана Платова, что я вступилъ уже въ его, Милорадовича, команду и потому за долгъ поставляю всѣ его приказанія исполнять въ точности; но, и за всѣмъ тѣмъ, Милорадовичъ оставался хладнокровенъ и весьма мало со мною говорилъ. Я возвратился къ своимъ полкамъ. Какъ въ эти послѣдніе годы я часто чувствовалъ припадки нездоровья, то и въ это время чувствовалъ большую въ себѣ слабость, и хотя укрѣплялъ себя купаньемъ въ холодной водѣ, но чаще былъ боленъ, нежели здоровъ»

«На тотъ же день, въ вечеру, толпы турокъ изъ лагеря сѣраскира сближались къ передовымъ моимъ казачьимъ пикетамъ, съ которыми мы и вступили въ перестрѣлку. Генерал-маіоръ Иловайскій, имѣя начальство надъ донскими казачьими полками, въ корпусѣ Милорадовича состоящими, подкрѣпилъ мои передовые пикеты и также перестрѣлкою удерживалъ непріятеля. Потомъ я, съ своими полками, двинулся впередъ закрытымъ мѣстомъ, остановился и ожидалъ приближенія непріятеля, дабы вступить съ нимъ въ бой, но турки, продолжая перестрѣлку съ часъ времени, остались и тѣмъ довольны, и возвратились въ свой лагерь. По великой усталости лошадей и изнуренію самыхъ людей, я не преслѣдовалъ оныхъ и самъ возвратился въ лагерь».

«На другой или третій, послѣ того, день, главнокомандующій, князь Багратионъ, прибылъ со всею арміею къ корпусу генерала Милорадовича и, сколько припомню, на другой день, въ ночь, двинулся къ сѣраскиру-пашѣ, стоящему при Рассеватѣ, близъ Дуная. Я явился въ команду войсковаго атамана, Платова, который приказалъ мнѣ слѣдовать отдѣльно, на небольшую дистанцію, съ лѣваго флангу. Когда мы приблизились къ непріятелю, гдѣ было довольно широкихъ дефилей, имѣющихъ не малые кустарники, по которымъ невозможно было полкамъ проходить, а обходя ихъ, нельзя было соблюсти назначенную мнѣ ди-

станцію, атаманъ прислалъ ко мнѣ полковника, князя Мадатова, съ словеснымъ приказаніемъ, чтобы я шелъ съ полками по его направленію (указанію?). Когда я сказалъ Мадатову, что это совершенно противно военнымъ, особо казачьимъ, правиламъ, то онъ отвѣчалъ, что имѣетъ точныя на это приказанія. Я повиновался, но когда Мадатовъ мнѣ показалъ одно для занятія позиціи мѣсто, подобное кургану, которое въ половину по высотѣ было много заросшее кустарниками, то я остановился и требовалъ отъ князя Мадатова, чтобы онъ поскакалъ въ атаману и донесъ бы ему, что это мѣсто совершенно не удобно. Мадатовъ, по возвращеніи, сказалъ, что онъ точно ошибся и показалъ впереди другое подобное же мѣсто, болѣе возвышенное, но кустарниками не заросшее и на которое, по крутости онаго, съ трудомъ казаки могли вѣзжать. Я видѣлъ, что и сіе мѣсто весьма неудобное, но повиновался начальнику моему, взомель и остановился въ боевомъ порядкѣ. Атаманъ потребовалъ отъ меня Сысоевъ полкъ, тогда я остался съ тремя полками и получилъ словесное приказаніе отъ атамана, а послѣ и прямо отъ главнокомандующаго, чтобы наблюдалъ слѣва, куда мною и были уже двѣ партіи посланы, да и самъ я съ занятаго мною высокаго мѣста на большую дистанцію могъ все видѣть. Вторично войсковою атаманъ мнѣ приказалъ—наблюдать движеніе его бунчуга,¹⁾ и тогда, когда я увижу его въ движеніи, то, по направленію онаго, сѣвшилъ бы съ полками на непріятеля».

Армія наша была вблизи отъ меня и въ виду моемъ; началась атака пальбою изъ пушекъ. При семъ случаѣ турки вида, что я на высотѣ и не имѣю удобства скоро сойти съ оной и имъ вредить, стали—конные и пѣшіе—сблжаться въ моимъ полкамъ, открыли стрѣльбу изъ ружей и ранили болѣе 10-ти казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторые отъ тяжелыхъ ранъ скоро и померли. Наша армія пошла впередъ, на непріятеля, и турки, не дожидаясь приближенія оной, побѣжали: вся пѣхота вверхъ по Дунаю, по самому берегу, а конница—по разнымъ направленіямъ. Тогда я, хотя и не могъ видѣть атаманскаго бунчуга, пустился съ горы, но, по крутизнѣ оной, съ большимъ затруднені-

¹⁾ Атаманское знамя, которое всегда развѣвалось у ставки войскового атамана,

емъ, такъ, что казаки большею частію принуждены были сойти съ лошадей и пѣшіе спускались. Тогда предстояла мнѣ другая гора, на которую не только невозможно было поспѣшно въѣзжать, но лошади съ большимъ затрудненіемъ и шагомъ всходили. Взойдя на гору, я увидѣлъ, что непріятель опередилъ мои полки и многіе казаки въ разсыпную преслѣдуютъ онаго. Тогда я приказалъ и полковнику Осипу Иловайскому также въ разсыпную преслѣдовать непріятеля, а самъ, съ моимъ полкомъ и съ полкомъ генерал-маіора Николая Иловайскаго, снѣшилъ догнать непріятельскую пѣхоту, заскакавъ ей напередъ, но, по неудобности мѣстоположенія, не могъ оной атаковать ни съ фланговъ, ни съ тылу, а спереду безъ артилеріи не могъ остановить, о чемъ и донесъ тотъ часъ атаману Платову и предлагалъ, что ежели угодно принудить сію турецкую пѣхоту къ сдачѣ или побить, то чтобы прислалъ двѣ пушки и нѣсколько драгунъ, а самъ я продолжалъ идти во флангъ турокъ и не отставалъ отъ нихъ; тутъ еще ко мнѣ присоединились; при одномъ штаб-офицерѣ, два или четыре эскадрона (хорошо не припомню) чугуевскихъ казаковъ».

«Я выжидалъ удобное мѣсто, дабы атаковать непріятеля съ разныхъ сторонъ. Мѣсто таковое недалеко и предстояло — большая равнина, но болотистая. Тутъ прискакалъ ко мнѣ совершенно одинъ, даже и безъ единого казака, генерал-маіоръ Павелъ Иловайскій и, какъ старшій, требовалъ отъ меня остановить непременно непріятеля. Я ему отвѣчалъ:

— «Это невозможно и я уже дѣлалъ такое испытаніе».

«Онъ, какъ бы не повѣря сему, потребовалъ чугуевскій эскадронъ и часть казаковъ и поставилъ оныхъ впереди. Турки сгустили себя, шли бодро и производя сильную пальбу многихъ переранили казаковъ, а остальные разсыпались. Въ это время сюда же прискакалъ генералъ Милорадовичъ безъ войска, проѣхалъ мимо меня, поговорилъ съ генераломъ Павломъ Иловайскимъ и, не приказавъ мнѣ ничего, оба они поѣхали въ сторону, къ арміи. Ночь сближалась; непріятель спѣшилъ въ бѣгство своею и былъ уже отъ меня не близко. Боясь наткнуться на засады, я отрядилъ двѣ или три большихъ партій неотступно преслѣдовать непріятеля далѣе, а самъ съ генерал-маіоромъ Николаемъ Иловайскимъ дожидался послѣдствій движенія сихъ партій, которыя,

по возвращеніи, привели ко мнѣ болѣе 10-ти человекъ плѣнныхъ и 3-хъ или 4-хъ турецкихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ былъ одинъ бим-папа. Тогда я, возвратившись съ находившимися при мнѣ казаками къ арміи, послалъ въ разныя стороны небольшія партіи собирать казаковъ, увлекшихся преслѣдованіемъ турокъ».

«Армія отъ мѣста сраженія двинулась впередъ и остановилась, и я съ полками нѣсколько двинулся впередъ, гдѣ мнѣ было показано. На другой день узналъ, что атаманъ Платовъ, въ томъ, что мало неприятелей побито и взято въ плѣнъ, винитъ меня, и очень недоволенъ. Я нарочито былъ у главнокомандующаго, чтобы раскрыть въ чемъ меня винять и объяснить ему нужное въ оправданіе свое: Онъ въ одобреніе мнѣ ничего не сказалъ, но весьма милостиво принялъ. Во все сіе время я терпѣлъ боль въ головѣ и, какъ видѣлъ, что я болѣе и болѣе дѣлаюсь нездоровъ, то и принужденъ былъ подать рапортъ, чтобы мнѣ позволено было удалиться отъ командованія полками, дабы принять нужныя мѣры къ восстановленію своего здоровья, въ чемъ мнѣ и не было отъказано».

«Между тѣмъ армія выступила въ походъ къ Силистріи и, подойдя къ оной крѣпости, обложила оную почти безъ сраженія. Тогда при арміи и я находился по собственному желанію, дабы видѣть всѣ дѣйствія и операціи и познать болѣе военныхъ оборотовъ. Пробывъ нѣсколько времени въ такомъ положеніи, по волѣ начальства и по моему желанію, я удалился въ мѣстечко Бузео, что въ Валахіи, и тамъ перѣдко занимался съ моими крѣпостными людьми, которыхъ, по небогатству моему, весьма было мало,— два или три человека,— псовой охотою, а иногда, особо въ вечеру, съ немногими познакомившимися со мною, занимался и игрою въ бостонъ отъ 5 до 10-ти коп. призь. Я былъ въ полномъ увѣреніи, что, по вступленіи арміи въ квартиры, буду отпущенъ въ домовый отпускъ до излеченія, о чемъ главнокомандующаго много разъ просилъ и всегда былъ обнадеживаемъ,— какъ вдругъ, уже во время большихъ холодовъ, получаю чрезъ нарочнаго повелѣніе—явиться въ армію къ главнокомандующему. Повинуясь оному, я на почтовыхъ явился въ его сіятельству и нашель его сидящимъ въ коляскѣ, который мнѣ сказалъ:

— Явитесь къ атаману Платову; онъ все знаетъ и вы получите отъ него рѣшеніе.

«По слуху я зналъ, что войска, особенно казачьи полки, въ худомъ положеніи, и потому я догадывался, что призванъ командовать тѣми полками донскими, которые останутся за Дунаемъ, почему просилъ поворнѣйше главнокомандующаго отпустить меня въ домъ, что необходимо было нужно для слабаго моего здоровья, причеиъ я сказалъ, что это приму за большое награжденіе. На это онъ мнѣ отвѣчалъ:

— «Я очень васъ знаю и все будетъ хорошо.

«Князь Багратионъ приказалъ своему кучеру ѣхать, а я пошелъ къ Платову и доложилъ ему, что былъ у главнокомандующаго и что ~~онъ мнѣ~~ ~~сказалъ~~. Платовъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ ничего болѣе не знаетъ, какъ вручить въ мое командованіе всѣ казачьи полки, за Дунаемъ остающіеся, и тутъ же приказано подать мнѣ отъ главнокомандующаго на мое имя повелѣніе, которое о томъ же гласило. Признательно сказать—тогда потерялъ я равнодушіе и огорченіе заставило меня прослезиться; но одно меня утѣшало, что симъ корпусомъ будетъ командовать почтенный, благоразумный и добрый генералъ, гр. Ланжеронъ, котораго я хорошо зналъ. Атаманъ Платовъ скоро отправился за главнокомандующимъ на зимнія квартиры. Я явился къ гр. Ланжерону, получилъ нужныя повелѣнія и наставленія и принялъ въ вѣдѣніе мои казачьи полки».

Шесть донскихъ казачьихъ полковъ, оставленныхъ подъ начальствомъ Денисова при корпусѣ гр. Ланжерона, занимали линію отъ Дуная до Чернаго моря. Лошади казачьи были сильно изнурены, «да и самые казаки были худо одѣты: мундиры всѣ излатаны, а у нѣкоторыхъ и того не доставало. О фуражѣ и думать было нечего». Къ счастью казавовъ зима была теплая, снѣгу совершенно не было, и лошади могли поправиться подножнымъ кормомъ. 5-го октября гр. Ланжеронъ объявилъ Денисову, что онъ ожидаетъ на мѣсто свое другаго генерала. Его замѣнилъ гр. Сергѣй Михайловичъ Каменскій, требовавшій отъ Денисова движенія на непріятеля и пораженія его. Адрианъ Карповичъ представлялъ невозможность этого, вслѣдствіе изнуренія лошадей и доносилъ, «что казаки не только что не могутъ ис-вать и поражать непріятеля, но съ большою нуждою могутъ ретироваться въ полеу, ежели будутъ атакованы на пиветахъ». Спустя послѣ того полтора или два мѣсяца, когда лошади поправились, Денисовъ доложилъ Каменскому, «что теперь можно

уже сдѣлать хотя недалнюю экспедицію». Съ согласія Каменскаго Денисовъ выбралъ до 1,000 годныхъ лошадей изъ всѣхъ полковъ и взялъ въ экспедицію всѣхъ полковыхъ командировъ. Отъ Черноводъ онъ отправилъ впередъ храбрыхъ офицеровъ, Андріянова и Сулина, съ сильною партією. «Они прогнали изъ 3-хъ селеній непріятельскихъ фуражировъ и нѣсколько взяли въ плѣнъ, въ томъ числѣ двухъ или трехъ чиновниковъ, чѣмъ я, при холодной погодѣ, а также по недостатку провіанта и по слабому положенію казачьихъ лошадей, остался доволенъ и возвратился». Гр. Каменскій благодарилъ Денисова за этотъ набѣгъ и, по представленію его, Денисовъ былъ награжденъ алмазными знаками св. Анны 1-й степени.

Послѣ этого всѣ войска наши оставались спокойными до весны. Главнокомандующимъ, вмѣсто Багратіона, назначенъ гр. Николай Михайловичъ Каменскій. Корпусъ гр. Сергѣя Михайловича Каменскаго былъ усиленъ. Съ казачьими полками, двумя регулярными, и полуротою артилеріи, Денисовъ командированъ былъ къ Сатисю и къ Черноводамъ.

«Здѣсь я пробылъ нѣсколько недѣль безъ всякаго дѣйствія, кромѣ того, что казачьи партіи были посылаемы для развѣдыванія непріятеля, которыя нигдѣ не встрѣчались съ онымъ, но почти всегда возвращались съ добычею скота. Изъ этого скота я давалъ весьма мало и только самое нужное войскамъ, въ моей командѣ состоящимъ, а все безъ остатку (отправлялъ) въ корпусное дежурство, за исполненіемъ чего самъ наблюдалъ. Въ одинъ таковой разъ я дозналъ, что одинъ офицеръ регулярнаго полку, имѣя подъ своимъ смотрѣніемъ казенныхъ воловъ, по нечаянности, изъ нихъ утратилъ двухъ, которому я приказалъ выдать оныхъ изъ добычныхъ и показать отданными на порціи. Это его сіятельству, гр. Сергѣю Михайловичу Каменскому, показалось излишнимъ и онъ настоятельно требовалъ отъ меня въ присылку тѣхъ двухъ быковъ. Такое требованіе принудило меня изъ бывшей добычи утаить двухъ быковъ и послать въ замѣну прежнихъ. Съ того времени я примѣтилъ, что его сіятельство на меня смотритъ неравнодушно, чему, конечно, была другая причина, чтобъ казаковъ не употреблялъ въ разводы и меньше бы приказывалъ имѣть ихъ въ дежурствѣ своемъ».

Потомъ отношенія между Денисовымъ и гр. Сергѣемъ Михайловичемъ Каменскимъ ухудшились изъ-за майора Попова, котораго Каменскій находилъ виновнымъ въ томъ, что онъ будто бы упустилъ непріателя и не преслѣдовалъ его, а Денисовъ совершенно оправдывалъ этого офицера. Когда затѣмъ Денисовъ узналъ, что регулярные казачьи полки и артилерія, бывшіе подъ его начальствомъ, получили помимо его повелѣніе—возвратиться къ корпусу, а ему приказано съ однимъ его полкомъ занять двойную цѣпь, «что составляло болѣе 100 верстъ», и держаться твердо въ случаѣ атаки, то Денисовъ испросилъ увольненія въ армію до излеченія.

Любя всегда правду и слѣдуя ей правиламъ, я партикулярнымъ письмомъ объяснилъ главнокомандующему все, и даже что удаленію моему отъ командованія главная причина есть дѣйствіе корпуснаго командира, и просилъ о позволеніи остаться партикулярно при арміи—что онъ и позволилъ и далъ мнѣ знать о томъ словесно чрезъ дежурнаго.

Оставаясь при арміи безо всякой подначальственной части, Адрианъ Карповичъ находился при взятіи Силистріи и движеніи арміи на Шумлу. Потомъ онъ оставилъ армію и съ генерал-лейтенантомъ Раевскимъ поѣхалъ въ Валахію. Въ Бухарестѣ Денисовъ прожилъ до возвращенія туда главнокомандующаго, графа Николая Михайловича Каменскаго, и, по болѣзни своей, долженъ былъ прибѣгать къ совѣтамъ докторовъ; получивъ же дозволеніе удалиться изъ арміи, Денисовъ переѣхалъ въ Яссы, тамъ сдать полкъ свой, и въ началѣ 1811 г. отправился въ Петербургъ для испрошенія отставки отъ службы. На просьбу объ этомъ, военный министръ, Барклай-де-Толли, передалъ ему, что: «государю императору угодно, чтобы я оставался въ службѣ и что въ опытныхъ въ войнѣ генералахъ его величество предвидитъ надобность. И я слышу,—прибавилъ отъ себя Барклай-де-Толли,—что можетъ быть такая надобность и скоро послѣдуетъ». На сіе я ему доложилъ, что

— «Основательнаго ничего не знаю, но о замыслахъ Наполеона говорятъ много,—что я готовъ на границахъ Россіи или внутри отечества пролить кровь мою и умереть, но прошу только за границу меня не употреблять».

Войсковой атаманъ Платовъ, которому Денисовъ передалъ разговоръ свой съ Барклай-де-Толли, сказалъ:

— «Я сему радъ, потому что наказной атаманъ, генерал-лейтенантъ Кирѣевъ.¹⁾ жалуется на слабость здоровья и просить увольненія. Я вручу вамъ въ управленіе войско донское.

«Должность сію я уже предъ симъ два раза занималъ и зналъ, что пользы въ оной содѣлать (можно много), но и подъ отвѣтственность легко можно попасть, и что у Платова я не найду милости», поэтому Денисовъ просилъ военнаго министра отелонить прежнее Платовымъ назначеніе, «въ чемъ онъ меня и обнадежилъ».

XXII.

Возвращеніе на Донъ.—Назначеніе наказнымъ атаманомъ.—Дѣйствія Денисова въ 1812 г.—Назначеніе войсковымъ атаманомъ послѣ смерти гр. Платова.—Предположенія Денисова объ улучшеніи законоположеній войска донскаго.—Несогласія съ Чернышевымъ.—Отставка отъ должности войсковаго атамана.

1811—1821.

Въ исходѣ марта 1811 года Адриянъ Карповичъ Денисовъ выѣхалъ изъ Петербурга чрезъ Тверь, Москву и Воронежъ на Донъ, гдѣ нашелъ «единственное мое дитя съ двумя малыми ея дочерьми, оставленное, или яснѣе сказать — брошенное мужемъ». Денисовъ посвятилъ себя имъ и своему хозяйству. Въ 1812 году Денисовъ поѣхалъ пользоваться кавказскими минеральными водами, гдѣ принималъ горячія ванны и пилъ воды, но среди леченія получилъ повелѣніе принять должность наказнаго атамана и управлять войскомъ.²⁾ Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ леченіе водами, какъ вдругъ получилъ два извѣстія: одно—объ остановкѣ дѣлъ въ войсковой канцеляріи, другое—о вторженіи Наполеона въ Россію.

Тогда Денисовъ немедленно отправился въ Новочеркасскъ и

¹⁾ Платовъ былъ войсковымъ атаманомъ войска донскаго, а въ отсутствіе его съ Дона отправлялъ эту должность временно назначаемый генералъ, съ званіемъ «Наказнаго атамана». Такъ было до 2-го октября 1827 г.; въ этотъ же день послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора; съ того времени донскимъ войсковымъ атаманомъ присвоено названіе «Войсковой наказный атаманъ».

Ад. Ч.

²⁾ По формулярному списку значится, что онъ вступилъ въ эту должность 29-го іюля 1812 г.

Ад. Ч.

тогчасъ же приступилъ къ формированію новыхъ донскихъ полковъ для арміи, а также пригласилъ всѣхъ донскихъ жителей къ пожертвованіямъ для защиты отечества. Онъ собралъ наличное донское дворянство и объявилъ, что будетъ стараться составить «сколько можно болѣе изъ отставныхъ казаковъ и малолѣтцовъ, могущихъ управлять оружіемъ и лошадыю, столько полковъ, сколько только возможно, и къ командованію ими употребить всѣхъ отставныхъ генераловъ, штаб- и обер-офицеровъ но, какъ таковыхъ возрастовъ казаки не всѣ имѣютъ годныхъ на службу лошадей, то, чтобы дворянство пожертвовало оныхъ, на что всѣ дворяне наши охотно согласились, и что непременно они выставятъ 1,500 лошадей, — что и было ими исполнено». Сословіе донскихъ торговцевъ (купцовъ) Денисовъ согласилъ пожертвовать на нужды донскихъ полковъ 100 тысячъ рублей; а всѣ вообще жители войска донскаго были приглашены къ помощи войсковому начальству оружіемъ, сѣдлами и другими военными принадлежностями. Въ короткій срокъ Денисовъ сформировалъ 26 полковъ, опредѣлилъ къ нимъ командировъ и отправилъ полки съ шестью орудіями конной донской артилеріи въ армію. Все это донское ополченіе шло къ Москвѣ безъ роздыховъ, не менѣе 60 верстъ въ день и явилось въ Тарутинскій лагерь, имѣя въ однихъ и тѣхъ же рядахъ и убѣленныхъ сѣдиною дѣдовъ и юныхъ внуковъ ихъ¹⁾. Денисовъ самъ пытался вступить въ армію и просилъ объ этомъ войскаго атамана, но Платовъ отвѣчалъ ему письмомъ, «что ежели-бъ Денисовъ не былъ при войскѣ (на Дону), то онъ въ таковыхъ обстоятельствахъ принужденъ бы былъ запретить войсковую канцелярію и оставить безъ присутствія». Отправивъ въ армію донское ополченіе, Денисовъ предпринялъ поѣзду по всѣмъ донскимъ станицамъ, «дабы въ оныхъ поселить хотя нѣкоторое утѣшеніе, потому что оставшіе — сущіе старики, жены и дѣти — наполняли воздухъ стонаніемъ и воплемъ».

Немного однакожь станицъ могъ посѣтить Денисовъ: войсковая канцелярія просила его поскорѣе прибыть въ Новочеркасскъ «для важнаго дѣла». Дѣло это заключалось въ поимкѣ наполеоновскаго шпіона, изъ поляковъ, который, по мнѣнію Де-

¹⁾ См. полное собраніе сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго; т. V, стр. 93 и 94.

нисова, былъ сумасшедшимъ. Онъ отправилъ его къ фельдмаршалу Кутузову. Потомъ, когда завѣдующій военнымъ министерствомъ, князь Горчаковъ, прислалъ 117 тысячъ рублей на покупку донскихъ лошадей для арміи, то Денисовъ, купивъ требовавшееся число лошадей, употребилъ на это менѣ половины присланной суммы, а остальные деньги отправилъ обратно. За труды по формированію донскаго ополченія и за всю дѣятельность по отправленію должности наказнаго атамана въ 1812 году, Денисовъ получилъ орденъ св. Владимира 2-й степени, а въ слѣдующемъ 1813 году, при содѣйствіи уже фельдмаршала князя Кутузова, онъ награжденъ чиномъ генерал-лейтенанта.¹⁾

По изгнаніи Наполеона на островъ Эльбу и по восстановленіи на престолѣ французскомъ Бурбоновъ, Адрианъ Карповичъ просилъ увольненія отъ должности наказнаго атамана и замѣненъ бывшимъ его военнымъ товарищемъ, генерал-лейтенантомъ Николаемъ Васильевичемъ Иловайскимъ.²⁾ Въ это время Денисовъ потерялъ дочь, оставившую трехъ дѣтей: двухъ дѣвочекъ и мальчика. Адрианъ Карповичъ выпросилъ у зятя внучекъ, повезъ ихъ на Донъ и приставилъ къ нимъ гувернантку — Клару Фейгантъ.

Въ 1818 году скончался, въ донскомъ имѣніи своемъ, Еланчинскомъ, войсковой атаманъ гр. Платовъ, и Денисовъ призванъ былъ къ должности войскового атамана.

Исполняя волю моего государя, я вступилъ въ сію новую мою обязанность. Прилагая попеченія мои, чтобы выкнутъ во всѣ принадлежащія вѣдѣнію моему дѣла, я неуспынно старался разузнать — откуда произошли разнообразія въ нарядахъ казаковъ на службу, въ составленіи полковъ, какъ въ походахъ, такъ и особенно въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, чему былъ, по всегдашнему моему нахожденію въ оныхъ, очевидцомъ. И ясно увидѣлъ, что, не имѣя твердыхъ и утвержденныхъ государями и военною коллегіею правилъ, а примѣняя оныя различно войсковые и полковые начальники, одни изъ нихъ самыя лучшіе, храбрые и усердѣйшіе, бывъ управляемы однимъ или двумя случаями, дѣлали каждый свои предложенія и заключенія, другіе же, не бывъ руководимы сими по-

¹⁾ Указъ о производствѣ Денисова въ ген.-лейт. состоялся мая 21-го, 1813 г.

²⁾ Денисовъ уволенъ 1815 г., апрѣля 4.

лезными правилами и слѣдуя одному лишь честолюбію, измѣняли оныя, дѣлали свое противное тѣмъ заключенію и весьма нерѣдко ошибочное, что все произвело такое разногласіе, что многіе не знали даже и того—для чего принято имѣть всегда впереди полковъ полевыя знамена, а также, что одни называли казачьи сотни—эскадронами, другіе—ротами; одни строили полки—во фронтъ, другіе—въ линію, казаки же, приученные строиться лабою, не понимали значенія фронта или линіи, не знали, что считать лучшимъ, сожалѣли и смущались, что не по древнему обычаю ими управляютъ. Къ тому-жъ еще я видѣлъ, что требовались отъ казачковъ разными полковыми начальниками, а можетъ быть и другими, вытажка и узкіе мундиры, а какъ казаки, въ военное время, не то что по нѣскольку дней, а иногда и по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ, во всякое время года, при ненастной и холодной погодѣ, бывають въ непрестанныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ и что таковое исполненіе сверхъ силы человѣческой, да и кромѣ того, съ сокрушеніемъ сердца я удостовѣрился, что очереди казачьи на службу не чисто ведутся, да и земли войсковыя захватываются людьми сильными въ войскѣ,—то по всему этому рѣшился я всеподданнѣйше представить всемилостивѣйшему государю моему о позволеніи: составить комитетъ, рассмотреть всѣ оныя дѣянія, изложить что есть нужное и лучшее для блага войсковыхъ жителей, и то, что пользамъ оныхъ противное, и, по рассмотрѣніи въ комитетѣ, представить на всевысочайшее рѣшеніе. Все сіе нужно было и потому, что даже и все внутреннее положеніе казачковъ—въ самыхъ ихъ жилищахъ, требовало рассмотрѣнія и твердаго положенія. Государь императоръ милостиво принялъ мое мнѣніе, повелѣлъ составить просимый мною комитетъ и прикомандировалъ къ оному членомъ своего генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта Чернышева. Между тѣмъ я, до составленія сего комитета, бывъ уже войсковымъ атаманомъ, и усматривая крайнюю бѣдность войсковой казны, отдалъ, обще съ войсковою канцелярією, горячіе напитки на откупъ, на четырехгодичное время, соединивъ во оный всѣ отрасли донскихъ обитателей, какъ то: станицы и помѣщичьи селенія, гдѣ горячее вино было употребляемо. И хотя подобныя откупы и прежде того существовали, но не уравнительно, ибо въ оныя входили только казачьи селенія, такъ-называемыя станицы, а помѣщичьи селенія исключи-

тельно оставались на произволѣ ихъ владѣльцевъ. Этимъ помѣщики весьма остались недовольны мною, когда члены войсковой канцеляріи, изъ тѣхъ же помѣщиковъ избранные, находили такое мое предложеніе о причисленіи къ откупу и помѣщичьихъ имѣній справедливымъ и даже необходимымъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя сыскныя начальства ¹⁾ находились собственно въ помѣщичьихъ селеніяхъ, ибо содержаніе земской полиціи, по примѣру губернскихъ, называемой на Дону: «сыскныя начальства», относимо было на войсковые доходы, а доходы войсковые отъ откупа происходили. Къ тому-жъ требовались большія суммы на общія войсковыя строенія, на содержаніе почтъ, на исправленіе по дорогамъ мостовъ, отчего нерѣдко вовсе не доставало на расходы собираемой въ войсковую казну суммы.

«Комитетъ составленъ былъ подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ генерал-адъютанта Чернышева, генерал-лейтенанта Карпова, генерал-маіора Черевкова, полковника Андриянова, подполковника Шамшева и статскаго совѣтника Болгарскаго. Начали разсуждать о существующихъ для войска положеніяхъ и дѣйствіяхъ, причемъ нерѣдко доходило до противурѣчій, что помоему и должно было быть. Хотя по волѣ всемилостивѣйшаго государя моего я былъ предсѣдателемъ, но охотно позволялъ всѣ споры, дабы видѣть все справедливѣе и лучше, и самъ я, — желая исполнить въ точности волю моего государя, и мое ходатайство предъ его величествомъ въ точности выполнить, дабы всѣми средствами положеніе войска донскаго, какъ въ домашнемъ его нахожденіи, такъ и въ походахъ и въ особенности въ военныхъ обстоятельствахъ, содѣлать лучшимъ, — часто въ противность всѣхъ другихъ мнѣній говорилъ откровенно — чѣмъ, полагаю, и поставилъ всѣхъ членовъ противъ себя. А какъ помѣщики всѣ вообще давно уже мною по откупу были недовольны и даже были отъ нихъ доносы, будто откупъ былъ основанъ на интересахъ и несправедливъ, то комитетъ занялся изслѣдованіемъ откупа. Противъ чего, какъ дѣло касалось уже до меня, я вначалѣ молчалъ, но когда увидѣлъ, что очень часто и почти каждое засѣданіе комитетъ занимался однимъ только откупомъ, нѣсколько разовъ словесно предлагалъ, чтобъ таковое дѣло, не касающееся

¹⁾ То, что въ губерніяхъ назывались — земскіе суды.

до комитета, передано было въ сенатъ, а комитетъ занимался бы предворящею ему обязанностію».

«Между тѣмъ, еще при начальномъ вступленіи моемъ въ должность, крестьяне нѣсколькихъ донскихъ господъ оказали неповиновеніе и дошли до буйства, но я ихъ, однако, скоро усмирить и привелъ въ должное повиновеніе, а въ 1820 г. вновь, во многихъ донскихъ селеніяхъ, крестьяне оказали неповиновеніе и буйство. Я принялъ мѣры для прекращенія онаго и донесъ главному начальству о томъ и о моемъ предположеніи, и послалъ чрезъ нарочнаго, который возвратился безъ отвѣта и доложилъ мнѣ словесно, что онъ, по приказанію полиціи, принужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ самое короткое время. Генерал-адъютантъ Чернышевъ, въ маѣ мѣсяцѣ того же (1820) года, препроводилъ ко мнѣ именное повелѣніе, коимъ неповиновеніе крестьянъ поручено прекратить ему, а я чтобы дѣлалъ ему зависящее отъ меня во всемъ пособіе. Въ это самое время у меня были готовы казачьи полки на перемѣну находящихся на кавказской линіи, которые я, по требованію генерала Чернышева, отдалъ въ полную его команду. Съ этими полками онъ и отправился на лѣвую сторону Дона, въ неповинующееся гг. Орловыхъ имѣніе. Я предвидѣлъ, что таковое дѣйствіе можетъ долго продлиться и предложилъ войсковой канцеляріи заготовить въ нужныхъ мѣстахъ провіантъ: догадка моя оправдалась событіемъ. Въ это же время на правой сторонѣ Дона, верстѣ за 200 отъ имѣнія Орловыхъ, другіе крестьяне отказались повиноваться. Я увѣдомилъ о томъ ген.-ад. Чернышева, который просилъ меня принять свои мѣры въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ и помочь ему. Имѣя въ сборѣ большую часть полка, по древнему обыкновенію называемаго «атаманскимъ», которымъ тогда командовалъ отличный полковникъ, Кирсановъ, приказалъ я ему спѣшить къ главному скопищу бунтующихъ людей, въ селеніе гг. Мартыновыхъ, Голодаевку, такъ какъ бунтующіе крестьяне расположились въ самой близкой дистанціи отъ онаго селенія лагеремъ, и ежели бы кто изъ крестьянъ осмѣлился оказать что противное своимъ помѣщикамъ, таковыхъ брать подъ караулъ. Распорядившись въ скорости умножить посланное мною наскоро число казаковъ изъ ближайшихъ казачьихъ селеній, я приказалъ принять всю оную команду извѣстному по храбрости и расторопности генерал-маіору Иловайскому, что и было ис-

полнено немедленно и въ точности, но на другой или на третій послѣ того день явился ко мнѣ находящійся при генерал-адъютантѣ Чернышевѣ, генерал-маіоръ Богдановичъ, съ сообщеніемъ, что Чернышевъ вручаетъ ему, Богдановичу, эту часть казакѡвъ и чтобы я на это согласился—что не находя противнымъ, я исполнилъ въ точности. Генерал-маіоръ Богдановичъ, по прибытіи къ своему мѣсту, и какъ старшій уже генераль, неизвѣстно мнѣ почему, со всею оною командою отступилъ отъ селенія Голодаевки за нѣсколько верстъ, а генераль Чернышевъ, усмиря въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ онъ находился, крестьянъ, переправился чрезъ Донъ со всѣми полками, спѣшилъ къ селенію Голодаевкѣ, присоединилъ къ нимъ гвардейскій казачій эскадронъ, роту артилеріи и пѣхотный регулярный полкъ, окружилъ главныхъ зачинщиковъ и усмирилъ оныхъ. Хотя и въ другихъ разныхъ селеніяхъ, и даже въ сосѣдственной губерніи обвазались-было неповиновенія крестьянъ, но все это было имъ генерал-адъютантомъ Чернышевымъ, прекращено. Таковыми скорыми дѣйствіями всѣхъ полковъ, бывшихъ въ усмиреніи крестьянъ, такъ казачьи лошади изнурились, что къ дальнѣйшему употребленію были уже неспособны, почему поля и были распущены по домамъ, по окончаніи всѣхъ сихъ дѣйствій.

«Генераль Чернышевъ изъ бывшихъ при немъ чиновниковъ, какъ сдѣлалось мнѣ извѣстно, составилъ комиссію, сокрыто отъ меня, и нашли меня въ этихъ неурядицахъ. буйствахъ и неповиновеніи крестьянъ виноватымъ, а почему? я и донныя не знаю. Комитетъ собрался и члены онаго зачали заниматься не должностію, а болѣе откупомъ, отерывъ, что генерал-лейтенантъ Карповъ и генерал-маіоръ Черевковъ имѣютъ участіе въ откупѣ, которые въ томъ и не таились; но оныя члены участвовали въ откупѣ только тѣмъ, что помогали откупщику деньгами и залогомъ. Объ этомъ было представлено генерал-адъютантомъ Чернышевымъ государю императору, почему и было повелѣно гг. Карпова и Черевкова исключить изъ членовъ комитета, а вмѣсто ихъ опредѣлены генерал-маіоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, бывшій послѣ того вскорѣ атаманомъ, и генерал-маіоръ Дмитрій Ефимовичъ Кутейниковъ,¹⁾ которые въ засѣданіяхъ не дѣлали ни возраженій

¹⁾ Впослѣдствіи генераль отъ кавалеріи и войсковой наказный атаманъ съ 1827 по 1836 г.

и не высказывали своихъ предположеній, а молчали и подписывали журналы. Чернышевъ уже рѣдко сталъ согласоваться съ моимъ мнѣніемъ, а я, вида въ немъ нетверднѣ познанія, какъ бытности казаковъ въ домахъ, такъ и въ военныхъ ихъ дѣйствіяхъ, принужденъ былъ оставаться при моихъ мнѣніяхъ. Я утверждался въ нихъ тѣмъ, что родился отъ казака, прожилъ многіе годы въ жилищахъ казаковъ, въ военныхъ дѣйствіяхъ начальствуя ими заслуживалъ нерѣдко похвалы отъ моихъ главныхъ начальниковъ и даже удостоился оной чести еще отъ генерал-фельдмаршала князя Потемкина; великая государыня Екатерина знала меня по реляціямъ, что мнѣ сдѣлалось вѣдомо чрезъ ближнихъ ея вельможъ, какъ я находился еще въ чинѣ подполковника; князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, отдавая, по дѣйствіямъ моимъ, справедливость, часто называлъ меня «гетманомъ» и, по возвращеніи изъ Италіи, я его видѣлъ въ Польшѣ, больного, въ послѣдній разъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ обыкновенное слово: «Карповичъ! Карповичъ! Я тебя не такъ наградила, какъ слѣдуетъ, а ты меня не забывай». Гордясь всѣми сими одобреніями и тѣмъ, что всѣ донскіе герои именovali меня «учителемъ военныхъ правилъ», а также по истинной преданности моеи царямъ россійскимъ и отечеству моему, которымъ я служилъ вѣрно и усердно, и что я самъ предложилъ объ устройствѣ казачьихъ положеній и дѣйствій,—то по всему сему почиталъ за грѣхъ измѣнить въ чемъ-либо мое мнѣніе и предположеніе. Отъ сего до того изнемогался, что сдѣлался опасно боленъ, пролежалъ нѣсколько недѣль въ постели въ ожиданіи смерти, не бывалъ въ комитетѣ, и когда сдѣлалось мнѣ нѣсколько легче, получилъ изъ Лайбаха,—гдѣ генерал-адъютантъ Чернышевъ въ это время находился,—именное высочайшее повелѣніе, что я отставленъ, а вмѣсто меня назначенъ наказнымъ войсковымъ атаманомъ, генерал-маіоръ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій. Въ повелѣніи сказано, что это государемъ сдѣлано по доносу Чернышева, что я будто часто останавливалъ дѣйствія комитета и за злоупотребленія въ рыбныхъ ловляхъ.

«Рыбная ловля по Дону есть самая древняя привилегія донскихъ казаковъ. Всѣ казаки при ловлѣ рыбы обязаны не задерживать оную и не запирають рѣки Дона сѣтми чрезъ всю ширину рѣки сей. Селеніе казачье—станица Старо-Черкасская, было ближайшее

къ Азовскому морю, отъ онаго около 60-ти верстѣ. Рыба, войдя изъ моря въ рѣку, проходила всякой годъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ по рѣкамъ Дону, Хопру и Медвѣдицѣ въ самыя верхнія казачьи станицы, чѣмъ и доставляла хорошее изобиліе казакамъ. Въ недавнія времена станица Старо-Черкасская приписала подъ именемъ «приписныхъ», но не военныхъ, изъ малороссійскихъ, нѣсколько тысячъ человѣкъ, и когда правительство, узнавъ объ ономъ. обратило въ казаки, то оныя и населили станицы: Аксайскую, Гниловскую, Елисаветовскую и другія, ниже и ближе къ морю лежащія отъ Старо-Черкаска. По многолюдству своему они такъ сѣтями запирали Донъ, что весной, въ вышеозначенные мѣсяцы, едва рыба проходила въ маломъ количествѣ за 200 верстѣ отъ моря; въ другое же время она изъ моря вовсе не выходитъ. Этимъ и были по крайней мѣрѣ изъ 5-ти четыре части казаковъ лишены прежняго изобилія. Зная это, я предложилъ войсковой канцеляріи разсмотрѣть, а войсковая канцелярія.—находя справедливымъ, чтобы всѣ вообще донскіе казаки могли пользоваться рыбою, тѣмъ болѣе, что новопришельцы оною пользуются до обогащенія себя, а старожилы того лишены,—сдѣлала распоряженіе о свободномъ проходѣ рыбы по всему Дону, не обижая другихъ, за чѣмъ и досмотръ былъ сдѣланъ. За это отъ нѣкоторыхъ казачьихъ селеній, называемыхъ станицами, я получилъ благодарность. Таковое однакожь распоряженіе мое въ-рескриптѣ поставлено мнѣ въ вину».

«Но, исполняя волю моего государя, я тотчасъ приказалъ всѣмъ (моимъ подчиненнымъ) со всѣми бумагами, въ ихъ вѣдѣніи находящимися, явиться къ новому начальнику по своимъ обязанностямъ».

«Дежурный штаб-офицеръ, бывшій при мнѣ, полковникъ Черевковъ, знающій хорошо свое дѣло, съ каковымъ познаніемъ мало кто и есть по войску, полагать надобно еще за нѣсколько мѣсяцевъ до моей отставки, отъ опасенія быть въ отвѣтственности, столь сдѣлался пьянъ, что заболѣлъ и не былъ въ силахъ продолжать своей обязанности, почему принужденъ я былъ его смѣнить другимъ подполковникомъ, мало свѣдущимъ въ грамотѣ. Хотя я около трехъ годовъ находился войсковымъ атаманомъ и въ три раза прежде наказнымъ атаманомъ, но не имѣлъ въ городѣ Новочеркасѣ своего дома, проживалъ въ оное время въ чужихъ

домахъ, то и сей случай (отставка) меня нашелъ въ такомъ же положеніи. Хозяинъ онаго дома тотчасъ потребовалъ отъ меня, чтобы я очистилъ его домъ — чего прежде не предлагалъ. Я имѣлъ въ виду другой, извѣстный мнѣ домъ, хотя и не столь удобный, и перешелъ въ него, но и сей хозяинъ тожъ требовалъ отъ меня очистить оный. Тогда принужденъ я былъ перейти въ собственной домъ, купленный готовымъ у одного казака, которой болѣе походилъ на пустыню или велью, въ которомъ отъ скуки и сокрушенія былъ я вседневно боленъ и просилъ наказнаго атамана о позволеніи мнѣ выѣхать въ ближайшее мое имѣніе, но мнѣ въ сей просьбѣ не было удовлетворенія. Я принужденъ былъ состоять подъ вѣдѣніемъ полиціи; имѣніе мое, все, даже бѣлье и необходимой столовой приборъ, которые были весьма малоцѣнны, были описаны».

«Наконецъ, по сильному моему убѣжденію, одинъ чиновникъ, подполковничьяго чина, позволилъ мнѣ, за хорошую цѣну, перейти въ его домъ, что однакожь я счелъ за большое одолженіе. Всѣ прежде бывшіе при мнѣ знакомые и даже одолженные мною — оставили меня совершенно и, проѣзжая иногда или проходя, не хотѣли или не смѣли даже и взглядывать на тотъ домъ, гдѣ я находился. Я былъ въ городѣ совершенно чуждый человекъ и видѣлъ при себѣ только моихъ слугъ. Въ такомъ (тяжеломъ и обидномъ) положеніи прожилъ я всю весну и лѣто и уже въ глубокую осень, съ строгимъ обязательствомъ, позволено мнѣ выѣхать въ мое имѣніе съ тѣмъ, чтобы нигуда не выѣзжать изъ онаго и, по первому призыву, являться въ войсковую канцелярію, или къ атаману».

По смѣнѣ съ атаманства, Денисовъ не занималъ никакой должности до самой смерти. Ходатайства его о дарованіи донскому войску положительныхъ правилъ осуществились изданнымъ въ 1835 г. законѣ, подъ именемъ: «Положеніе объ управленіи войска донскаго». Это положеніе дѣйствуетъ до сихъ поръ, но подверглось многимъ измѣненіямъ и дополненіямъ; оно послужило образцомъ для отдѣльныхъ положеній каждому изъ прочихъ казачьихъ войскъ, которыя и издавались въ послѣдующіе годъ послѣ 1835, разновременно для того или другаго войска. Нынѣ существуетъ при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ «комитетъ для пересмотра всѣхъ казачьихъ законополо-

женій» и для начертанія новыхъ, современныхъ. Въ комитетѣ этомъ членами-представителями отъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Получивъ отставку отъ службы, Денисовъ занялся воспитаніемъ внучекъ и улучшеніемъ своихъ имѣній, до крайности разстроенныхъ и обремененныхъ долгами. Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ займу, обращался ко многимъ, но ни въ комъ не нашелъ помощи, исключая родного брата своего — генерал-маіора Логина Карповича Денисова, «но и тотъ помогъ въ половину». Гувернантка внучекъ, вдова чиновника, Клара Фейгангъ, оставила домъ Денисова и онъ взялъ престарѣлую французенку съ дочерью, 20-ти лѣтъ. Въ первый годъ дѣло воспитанія внучекъ шло хорошо, но потомъ гувернантка стала капризничать и требовала удвоить жалованье, несмотря на то, что получала почтенную цифру, 1,500 рублей въ годъ, такъ что Денисовъ принужденъ былъ ей отказать. Вслѣдъ затѣмъ посѣтилъ его генерал-маіоръ Любецкій, съ сыномъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ, и началъ сватать за сына старшую внучку Адрияна Карповича. Бракъ состоялся. Потомъ и младшая внучка его выдана въ замужество за хорунжаго донскаго войска, Ниванора Авимовича Машлыгина.¹⁾

Въ началѣ разсказа Денисовъ упомянулъ, что онъ всю жизнь свою лечился. Служебныя огорченія послѣдняго времени еще болѣе разстроили его здоровье. По прибытіи изъ Ново-Черкаска въ имѣніе его, онъ рѣдко когда могъ заснуть. «Каждую ночь», — говоритъ онъ, — «я почти можно сказать совершенно не сплю». По слабости здоровья, Денисовъ не могъ принять участіе и въ свадьбѣ своей младшей внучки, почему просилъ родную сестру свою, жившую въ замужествѣ за 400 верстъ отъ него,²⁾ «принять на себя попеченіе выдать сію послѣднюю; и такъ бракъ сей совершился, котораго я и не видѣлъ», говоритъ онъ.

Здѣсь оканчиваются Записки Адрияна Карповича Денисова.

¹⁾ У Денисова былъ еще внукъ отъ той же дочери, Адрианъ Ивановичъ Егоровъ. О немъ въ Запискахъ Адрияна Карповича не упоминается, вѣроятно потому, что внукъ воспитывался у отца въ Орловской губерніи. Впослѣдствіи внукъ этотъ наследовалъ все имѣніе дѣда — Адрияна Карповича. Ад. Ч.

²⁾ Варвару Карповну, бывшую въ замужествѣ за донскимъ полковникомъ, Петромъ Захаровичемъ Сычовымъ. Ад. Ч.

Славный атаманъ войска донскаго, сподвижникъ Суворова, столь любезный ему витязь «Карповичъ» прожилъ послѣ удаленія отъ службы еще 20 лѣтъ и умеръ 78 лѣтъ отъ роду, въ 1841 г., въ деревнѣ своей Анастасіевѣ, на Дону, въ Міусскомъ округѣ. Кажется онъ имѣлъ ордена: св. Александра Невскаго, полученный въ бытность войсковымъ атаманомъ, и св. Георгія 3-й степени, но когда эти ордена ему пожалованы — въ запискахъ не упоминается.¹⁾ Потомства мужскаго пола у него не было. Ближайшимъ родственникомъ его въ настоящее время есть — отставной гвардіи полковникъ, Илья Васильевичъ Денисовъ, потомокъ прадеда Адриана Карповича — Денисова-Батыря, отъ втораго сына послѣдняго, Ѳедора Денисовича (Адрианъ Карповичъ былъ внукомъ перваго сына Дениса-Батыря, Петра Денисовича). Въ этой второй отрасли Дениса-Батыря, была также замѣчательная личность: внукомъ его, бригадиръ Илья Ѳедоровичъ. Боевые подвиги Ильи Ѳедоровича въ прусскую войну награждены въ 1755 г. императрицею Елисаветою Петровною большою золотою медалью съ ея портретомъ, а потомъ такими же медалями отъ Екатерины Великой и отъ австрійской императрицы Маріи-Терезіи. Въ рескриптѣ на его имя отъ императрицы Екатерины II значитъ: «Я собственноручно возложила на васъ орденъ св. Владимира 3-й степ.», а изъ актовъ военной коллегіи видно, что всѣ несовершеннолѣтнія сыновья Ильи Ѳедоровича, за службу отца, произведены въ войсковые старшины, тогда какъ послѣдній изъ этихъ сыновей, Авксентій (дѣдъ нынѣ живущаго полковника Ильи Васильевича Денисова); былъ еще въ колыбели.

Сообщ. Ад. П. Чеботаревъ.

¹⁾ Въ формулярномъ спискѣ за 1818 г. показанъ онъ кавалеромъ: св. Анны 1-й ст., св. Владимира 2-й ст. и св. Иоана Иерусалимскаго. Сверхъ того онъ имѣлъ золотую саблю, алмазами украшенную и прусскіе ордена: Краснаго Орла и за военныя достоинства (pour le merite).

Ад. Ч.